

Часть I

Глава 1

Леша Назаров видел в темноте, как кошка. Эту способность он в себе открыл еще в детстве. Тогда ему было десять лет, и мальчишки-старшеклассники заперли его в подвале. В их детдоме это была главная забава: оставлять «неугодных» в сыром, темном, кишасщем крысами подвальном помещении на ночь и слушать из-за двери, как узник плачет, просит прощения и обещает отдавать все сладости, если его выпустят... Большинству заключенных после этого давали свободу. Но некоторым приходилось сидеть в подполе до утра. Одному пареньку, когда он уснул, крыса откусила мочку уха. От боли и страха он так орал, что разбудил сторожа. Тот выпустил беднягу и отправил его в лазарет. А подвал после этого случая заперли на два замка. Только детдомовское хулиганье нашло туда другую дверь, и забава продолжалась. И она казалась всем после укуса крысы еще более занимательной.

Леша стал первым, кого посадили в подвал после того происшествия. Мальчишки немного трусили, опасаясь, что их застукают и накажут, поэтому собирались выпустить пленника сразу же, как только он начнет умолять об этом. Но, к всеобщему удивлению, из-за запертой двери не раздалось ни звука. Леша даже не заплакал! Он кусал кулаки, крепко зажмурился, чтобы не дать слезам воли, и шептал: «Не реветь,

не реветь, не реветь...» Он знал: стоит один раз дать слабинку, как тебя затравят. Его учил этому отец, тюремщик. Батя имел три ходки, первую по малолетке, и знал, о чем говорит.

Когда отец в пьяном угаре убил мать Леша, его посадили в четвертый раз. А сына отправили в детский дом.

Леша пробыл там полгода, прекрасно лады со всеми, пока не сцепился с Гошей Касаткиным. Тому было тринадцать, но он едва доходил своим ровесникам до плеча. Маленький, тощий, дерганый, он являлся грозой всего детдома. Его даже старшеклассники побаивались. Потому что Гоша был совершеннейшим психом (за глаза его так и называли, Касаткин знал об этом и ненавидел свое прозвище) и уже в столь юном возрасте имел садистские наклонности. Он переловил всех кошек и собак в округе, с кого-то содрал кожу, кого-то поджег. Когда же ему попалась ворона с подбитым крылом, он не просто замучил ее до смерти. Он подбросил дохлую птицу в портфель одной девчонке и хохотал, когда та визжала от ужаса. Тогда-то Леша и сцепился с Гошей. Девочка, которую он напугал вороной, Леше очень нравилась, и он считал своим долгом за нее вступить...

Драка была недолгой. Леша, хоть и был младше, оказался сильнее. Возможно, еще и потому, что Касаткин после своих садистских выходок становился заторможенным. Как будто впадал в транс. И Леша смог его одолеть. Но вечером он за это поплатился. После отбоя его стащили с кровати, отволокли в подвал и там закрыли. Гоша нетерпеливо переминался у двери, ожидая, когда Леша попросит пощады. Но тот молчал. А если и плакал, то так тихо, что никто не слышал. А вот Назаров слышал многое...

Сначала топот удаляющихся шагов (его оставили в подвале до утра), потом капанье подтекающей из труб воды, а затем шуршание и скрежет. Леша понял, что последние звуки издают крысы. Они бегают где-то поблизости и что-то грызут. Когда он уснет, эти твари подберутся к нему и объедят лицо. Страх при мыслях об этом был так велик, что Леша распахнул зажмуренные глаза. Он знал, что вокруг кромешная тьма, и не надеялся что-то увидеть, но с удивлением понял, что различает очертания предметов. Когда же глаза немного привыкли к темноте, Леша стал видеть еще лучше. Не как днем, конечно, но все равно отлично. Странно, что раньше он не замечал этой своей способности. Хотя, возможно, он обрел ее именно тогда, когда оказался один в подвале, кишашем крысами.

Кстати, их самих он тоже разглядел! Крыс было множество. Огромные, лоснящиеся, с голыми хвостами, они шныряли повсюду, не обращая на Лешу никакого внимания. Но он знал, стоит задремать, как они подберутся к нему и...

Он не спал всю ночь. Когда начинал клевать носом, больно щипал себя за щеки. Утром, когда его выпустили, он еле держался на ногах.

С тех пор прошло двадцать лет. Но способности видеть в темноте Леша не утратил. И благодаря ей он, единственный из следственной бригады, знал, куда надо идти, чтобы обнаружить труп, о котором сообщил по телефону сторож стройки. Старик, дождавшись милиции, все рассказал, но провожать бригаду наотрез отказался. Сказал, что и так страху натерпелся, хватит, мол, в моем возрасте надо поберечься...

— Назар, ты куда чешешь? — окликнул Лешу коллега Витек, носящий звучную фамилию Сказка. —

Старикан же сказал, за бочкой с цементом нужно повернуть направо.

— Нет, нам туда! — Назаров выставил руку вперед.

— Ты — прям как Дадитс.

— Кто?

— Ты что, не смотрел «Ловца снов»?

— Что это?

— Кино, мать твою ети. По Стивену Кингу.

— Когда ты только успеваешь кино смотреть? — покачал головой Леша. Он видел труп и стремительно к нему направился.

— Я все успеваю, Назар, в отличие от тебя, — хохотнул Виктор. И Сказка, и Назаров были холостяками, но у Леша личной жизни практически не было, а вот его товарищ умудрялся крутить романы без остановки. — Так вот, в этом фильме был такой герой, Дадитс. Слабоумный парень, но со способностями невероятными, в том числе в поиске...

— Спасибо за сравнение, — усмехнулся Леша. — А теперь посвети!

Сказка выставил вперед фонарь, чтобы видеть, куда ступить.

— Теперь разглядел? — спросил у него Леша.

Виктор поводил лучом туда-сюда и наконец рассмотрел труп. Он лежал на груди керамзита.

— Мужик вроде?

— Точно.

— А сторож сказал, хрен поймешь кто.

— Его, наверное, ввели в заблуждение волосы покойного. Они длинные.

Леша обогнул внушительную кучу кирпича, преграждающую путь, и подошел к трупу. Сказка не от-

стал и встал рядом, вскинув фонарь над головой. Свет только мешал Назарову, и он попросил:

— Убери, пожалуйста, фонарь. Дай мне пару минут, а потом свети сколько влезет.

Сказка его просьбу выполнил.

Когда луч скользнул вниз и покойник вновь скрылся во мраке, Леша смог его хорошо рассмотреть. Мужчина лет тридцати пяти, физически развитый. Не бомж, не пьянь, среднестатистический гражданин. Одет неплохо. На руке часы скромной швейцарской фирмы. На шее цепь золотая. Значит, убийство совершено не с целью ограбления.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Витек.

— Ясно что — труп.

— Это я и без тебя знаю. А умер чувак отчего?

— Видимых повреждений нет, так что пока не скажу. — Леша склонился над покойником. — Шея не сломана. Крови на теле не вижу.

— Может, он сам, а? Сердечный приступ или что-то вроде?

— Размечтался, — хмыкнул Леша.

— А что? Мало ли... Сейчас и молодые мрут от старческих болезней.

— Он пришел на стройку, чтобы умереть? Для этого пробрался на огороженную территорию, отыскал укромный уголок, нашел удобный «одр», лег и отдал концы? Да он оригинал!

— Может, он тут работал? Дед — ночной сторож. Он не обязан всех знать.

— Логично. А кем работал чувак, на твой взгляд?

— Что, если он архитектор? Или представитель фирмы-застройщика?

— Вполне возможно. Только, сдается мне, даже

если он и являлся тем, кем ты предполагаешь, его все же убили.

— Пессимист ты, Назар.

— Реалист, — поправил его Леша.

Тут он услышал за своей спиной кряхтение. Это означало, что к ним приближается судмедэксперт Семеныч. Семенычу до пенсии оставалось пару месяцев, но тяжело ходил он не из-за возраста, а потому, что вес мешал. Эксперт весил килограммов сто пятьдесят. Сколько Леша его помнил, Семеныч пытался избавиться от лишних кг. То на диетах новомодных сидел, то чудо-пилюли принимал, то кодировался. А пару месяцев назад ему сделали операцию на желудке. Леша не вникал, но понял одно: кольцо какое-то Семеныч на него поставил. Чтоб пища проходила малюсенькими порциями. И теперь эксперт звенел, когда проходил через металлоискатель. Ему даже справку выдали, чтоб показывал ее в аэропортах.

— Назаров, ты где там? — пропыхтел Семеныч. — Ни хрена не видно...

— Сюда иди, — откликнулся Леша.

— А посветить?

Витек пошел навстречу эксперту. Чтобы тот, пробираясь, не сломал себе что-нибудь. Ведь если упадет, то все, без травм не обойдется.

— Вы почему не сказали сторожу, чтоб прожекторы включил? — бубнил Семеныч.

— Включены они.

— Так отчего не видно ни хрена?

— Повернуты они не туда, куда надо.

— Да нет, именно туда, — поправил его Леша. — Убийца не зря выбрал это место. Тут темно! Хотя... — Назаров коснулся окоченевшей руки покойника. — Нет, пожалуй, когда он умер, было еще светло...

Семеныч тем временем достиг кучи керамзита и устало опустился на «предгорье».

— Фу, замучился, — выдохнул он.

— Семеныч, что-то я не вижу, чтоб ты похудел, — проговорил Виктор, придирчиво глядя на эксперта.

— А ты глаза разуй! — осерчал тот.

— Похудел то есть?

— На двенадцать килограммов.

— Всего-то? Да при твоей массе это вообще фигня. Вот если б я столько скинул, стал бы моделью. — И он похлопал себя по округлому животику. В остальном Сказка действительно был почти идеальным.

— Измучился я, ребята, — плаксиво пробухтел Семеныч. — Глазами все готов сожрать. Но кладу в рот кусок, пережевываю его несколько минут, глотаю, и все... Не лезет ничего.

— Так это ж хорошо! Насытился, значит, больше не съешь.

— Желудок — да. Насытился. А глазами я бы еще столько сожрал... И у меня желудочный сок вырабатывается. Из-за этого такая горечь во рту, что я как беременная женщина, блевать бегаю то и дело.

— Ужас какой! — Сказка аж передернулся. — А нельзя как-то это исправить?

— Нет.

— А если убрать на фиг это кольцо?

— Его уже не уберешь. Если только растянуть. Но я не хочу. Мне похудеть надо. Хотя бы на тридцать кило.

— Семеныч, не хочу расстраивать, но тебя и тридцать не спасут. Пятьдесят как минимум.

— Да знаю, знаю! — отмахнулся от надоеды эксперт. Затем поднялся и спросил у Леши: — Что скажешь?

— Не пойму, как его убили. Но я не кантовал труп, тебя ждал. А вот наивный Сказка считает, что мужик скончался естественной смертью.

— Придется его разочаровать, — сказал Семеныч, натянув перчатки. Он еще не притронулся к трупу, но уже сделал главный вывод: — Смерть насильственная. Наступила часов пять назад.

— А где же следы этой самой насильственной смерти? — не желал сдаваться Витек. — Ни крови, ни ран, ни следов удушения...

— Кровь есть. Вот. — Семеныч ткнул пальцем в грудную клетку покойного. Сказка присмотрелся к пестрой рубахе и увидел небольшое пятно. Раньше он его не заметил потому, что оно терялось на фоне разноцветных пальм и таких же ярких попугаев.

— Подумать только, — сказал Витек. — Я и не предполагал, что гавайские рубахи еще кто-то носит. Тем более в Москве. Ладно бы на югах...

— Не отвлекайся, — строго проговорил Леша. Затем обеспокоенно спросил у Семеныча: — Надеюсь, нам не стоит СИЛЬНО волноваться?

Он не случайно сделал ударение на слове «сильно». Именно так они волновались четыре года назад, когда в их округе чуть ли не каждый день обнаруживали трупы молодых мужчин и женщин. Все они были убиты одним и тем же образом. Многие изнасилованы (и не только девушки). Но никто не ограблен. Преступника они тогда не нашли. Но убийства прекратились сами собой.

— Так что скажешь, Семеныч? — не отставал от эксперта Назаров. Тот молчал, и это заставило Алексея волноваться. Пока не сильно, но ощутимо.

— Плохо дело, Леша, — ответил эксперт. Он как

раз приподнимал тело покойного и заглядывал ему за спину.

— Это как же понимать? — всполошился Сказка.

— А так и понимайте, ребята. — И после недолгой, но гнетущей паузы молвил: — Кошмар продолжается!

— То есть это опять ОН?

— Похоже на то, — кивнул Семеныч, затем резко дернул рукой и вытащил из спины покойного длинную, остро заточенную на конце вязальную спицу. — Узнаете?

Виктор с Назаровым понуро кивнули. Именно таким орудием убивал своих жертв четыре года назад маньяк, прозванный ими же Спицей.

— Так что, мальчики, готовьтесь! Похоже, кошмар начинается вновь!

Глава 2

Валерий Иванов очень хорошо помнил, когда закончился его кошмар. Это случилось четыре года назад. Седьмого июля. Тогда он, грязный, с кровоподтеком под глазом и исцарапанными руками, валялся под деревом. Валерий был не пьян, но в голове шумело, а ноги не слушались. Он совершенно не помнил, что с ним происходило накануне. Его часы с треснутым стеклом показывали одиннадцать. А так как на улице было темно, то Валера понимал, что сейчас вечер. Ушел же он из дома утром в десять. Направился в магазин за кефиром. Кажется, даже его купил. Но точно Валера не мог сказать: не помнил. А вот головную боль, вспыхнувшую неожиданно, помнил. Она раздирала его черепную коробку по пути к магазину. Иванов терпел. Знал, что скоро она пройдет. Боль появлялась и исчезала неожиданно. И вот когда исчезала, он ста-

новился словно пьяный. А потом полный провал в памяти...

Такое с Валерой случалось редко. Где-то раз в месяц. Но в последнее время приступы участились. И забытье стало длиться не час-полтора, а часа три-четыре. Валера просто выпадал из реальности. Но куда погрузался, мог только предположить. Засыпал, наверное. Садился на лавку или просто на траву и отключался. Это, бесспорно, было очень странно и неприятно, но Иванов не считал нужным делиться с кем-либо своей проблемой. Переживал все в одиночку. К врачам не обращался. Он смертельно их боялся. И скорее предпочел бы умереть, чем лечь, к примеру, под нож хирурга.

В тот июльский вечер Валера впервые подумал о походе к врачу. Особенно когда осмотрел свои руки.

«Неужели я с кем-то подрался? — размышлял он, трогая ранки. — Но тогда кожа была бы ободрана на костяшках, а у меня ближе к запястью... И это явные царапины!»

Валера попытался встать, но у него ничего не вышло. Силы покинули его вместе с памятью о событиях минувшего дня.

— Вам помочь? — услышал он участливый женский голос. И, подняв глаза, увидел молодую барышню, склонившуюся над ним.

Привычка решать проблемы в одиночку не позволила Иванову принять ее помощь. Его с детства учили справляться с ними самому. А если не выходит, значит, ты слабак.

— Спасибо, не стоит... Я сам.

И рывком поднялся на ноги. На это простейшее движение у него ушел весь запас энергии, и в следующий миг Валера снова упал на траву.

— Может, «Скорую»? — спросила девушка. — Вас, похоже, избили...

Валера замотал головой.

— А попить не желаете? — Она протянула ему бутылочку минералки.

Воду Иванов принял с благодарностью. Пить ему хотелось нестерпимо.

Вылакав все пол-литра, Валера почувствовал облегчение. Его не только перестала мучить жажда, но и тело как будто налилось силой. Он быстро поднялся, отряхнулся и поблагодарил спасительницу:

— Огромное вам спасибо, девушка.

— Не за что.

— Да как сказать... — Он приложил холодную руку к пульсирующей опухоли под глазом. — Любой другой на вашем месте прошел бы мимо, посчитав меня пьяным.

— Я вас пьяным и посчитала. Но это ничего не меняет. Все люди нуждаются в помощи.

Валера с интересом посмотрел на нее. Он знал многих, кто любил строить из себя доброго самаритянина, особенно на словах, но их всегда выдавал взгляд. В нем читалась фальшь. Хорошо замаскированная, но все же заметная. Но в глазах «спасительницы» он ее не увидел. Что удивило!

— Вы серьезно? — на всякий случай уточнил он.

— Конечно.

— То есть вы даже к алкашам подходите? Таким, у которых по венам вместо крови течет технический спирт?

— Почти у каждого пьяницы есть дети, родители, братья, сестры, наконец. И для них большое горе потерять своего близкого.

— Для многих — это счастье.

— Перестаньте...

— Да я вам точно говорю. У меня мать пила. Почерному. А отец не принимал совсем. Так он мечтал о том, чтоб она поскорее допилась. К слову, ее мать и моя бабушка тоже посылали на голову дочери проклятия. Самым мягким было: «Чтоб ты сдохла, курва!» Дело в том, что отец мать из квартиры выгнал после того, как она привела туда кодлу алкашей. И с одним из них занималась сексом на супружеском ложе. Отец застукал прелюбодеев и выставил мать за дверь. Вместе с любовником и дружками.

— И они так просто ушли?

— Не просто. Пришлось их припугнуть оружием. Отец был охотник, имел двустволку. Мать, зная крутой нрав мужа, увела компашку за собой. После этого она стала жить у бабушки. Мать была там прописана, и если ее не пускали на порог, орала так, что сбегался весь подъезд. Могла пытаться дверь выламывать. Или под ней нагадить. Поэтому ничего странного, что бабушка проклинала свою дочь.

— А вы? Вы мечтали о том же, что и отец с бабушкой?

— Я был еще слишком мал, чтобы желать кому-то смерти... Мне исполнилось всего шесть, когда мать умерла. Вот только ушла она не одна. С собой забрала мою бабушку и удивительного пса по кличке Витязь. Он был поводырем моего ослепшего деда. Пережил его на полтора года. И умер по вине моей матери!

— Как это?

— Да очень просто. Она уснула с сигаретой. Естественно, пьяная. Начался пожар. Спасти не удалось никому. Даже Витязю...

Валера впервые рассказывал эту историю постороннему. Он излагал ее и сам себе удивлялся. Лишь

однажды он делился ею с женщиной (и еще один раз с мужчиной — лучшим другом), с той, на которой собирался жениться. Невеста, увы, так и не ставшая его женой, имела право знать, при каких обстоятельствах умерла ее потенциальная свекровь, ведь так? Потому он и рассказал. Хотя было больно и... Стыдно, что ли?

И вот теперь он вываливает постыдные подробности семейной биографии чужому человеку! Что с ним происходит? Всему виной последний приступ? Вряд ли. Даже после них он не замечал за собой желания откровенничать с кем-то. Неужели в этой девушке он увидел родственную душу? Или?..

Будущую жену?

— Вас как зовут? — спросил он.

— Милана. Можно просто Лана.

— Очень приятно. Меня Валера.

— Что с вами приключилось, Валера?

— Не знаю. Я не помню, как оказался под кустом... — и, продемонстрировав исцарапанные руки и вспухший фингал под глазом, с тяжким вздохом добавил: — И откуда взялось это.

— И часто такое с вами бывает?

— Нет, но уже бывало.

— А к врачам не ходили?

Валера лишь отрицательно покачал головой. Разве мог он признаться в своем паническом страхе перед врачами. Хватит уже того, что про мать рассказал! Остальные откровения ему не дадутся. Ведь они касаются только его. О том, что ему пришлось пережить за свою не такую уж долгую и на первый взгляд вполне благополучную жизнь, Валера не рассказал бы даже под пыткой.

— У меня есть знакомый невропатолог. Хотите, сходим к нему вместе? — предложила Лана.

— Вы знаете, мне почему-то кажется, что приступы больше не повторятся, — с непоколебимой уверенностью сказал Валера. — Но если вдруг это произойдет со мной вновь, я воспользуюсь вашим предложением. Оставьте мне свой номер?

Милана кивнула. Затем достала из сумочки записную книжку и ручку. Написав номер, она с улыбкой подала листок Иванову.

— А можно я вам позвоню просто так? Без повода? — спросил он.

— Конечно. Звоните. Буду рада. А сейчас извините, мне надо бежать...

И она, помахав ему ручкой, унеслась. Изящная, высокая, с развевающимися на легком ветру темными волосами. В струящемся платье в крупных ромашках. Когда ее силуэт растворился во мраке, белые лепестки еще светились в темноте. Если, конечно, это были они, а не какие-нибудь светлячки...

Или крылья вспорхнувших с нее эльфов!

— Как в песне, — прошептал Валера. — То ли девушка, то ли виденье.

Постояв пару минут без движения, он достал телефон (к его огромному удивлению, тот оказался при нем — не украли) и набрал номер Ланы.

— Алло! — прозвучало мелодично.

— Привет. Это Валера. Вы разрешили мне позвонить просто так...

Они болтали минут сорок. Ровно столько Иванов добирался до дома. Каким-то невероятным образом он оказался в другом районе. Пришлось возвращаться сначала на метро, потом на троллейбусе. Когда Валера вошел в свою квартиру и сообщил об этом Лане, она сказала:

— Раз ты дома, я спокойна. — В процессе беседы

они перешли на «ты». — И могу с тобой попрощаться. Я тоже добралась до дома, и мне срочно нужно детей проверить.

— А у тебя их много?

— Трое.

Валера едва сдержал стон разочарования. Если у нее трое детей, наверняка и муж имеется. Интересно, когда она успела столько нарожать? Ведь Лане на вид нет и тридцати.

— И все твои? — спросил он.

— Нет, — рассмеялась она. — Все не мои. Я их из детдома беру на выходные. Дело в том, что я сама детдомовская. Знаю, как несладко находиться там безвылазно. Вот и взяла шефство над некоторыми ребятами. Двум мальчикам по шесть, а сестре одного из них одиннадцать. Она присматривает за малышами, когда я отлучаюсь. Но я все равно немного волнуюсь, оставляя их одних.

Валера услышал хлопок двери. Видимо, Лана вошла в квартиру.

— Ну как ребята? — спросил он.

— Спят, — шепотом ответила Милана. — Теперь бы не разбудить их.

Она торопливо распрощалась с Валерой и отсоединилась. А он направился в ванную — отмыться. Пока лежал в теплой воде, думал о Лане и улыбался. Его приступы отошли куда-то на второй план. А царапины и синяк будто не беспокоили. Валере было спокойно и радостно. Впервые за много-много лет...

Или просто... Впервые за всю жизнь?..

Валера прислушался к себе и согласился с последним предположением. Да, впервые за всю его жизнь. Хотя радостных моментов в ней было немало (но и не

много, что характерно!), но ни разу... ни разу... он не ощущал себя по-настоящему счастливым.

А тут вдруг... На двадцать девятом году жизни... Да еще после кошмарного приступа. Уставший, опустошенный, больной. С фингалом под глазом и невесть откуда взявшимися царапинами на руке, Валера готов был петь в унисон со своей душой. И запел!

Слуха у него не было, голоса тоже, поэтому песня получилась мерзкой, и Валера посчитал нужным заткнуться. Но чувства все равно рвались наружу, поэтому из его уст нет-нет да слетала бравурная нотка. Валера полежал еще некоторое время в ванне, фальшиво мурлыча под нос что-то невнятное, а когда вода остыла, вылез.

Голый, подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение.

Очень худ! Ребра торчат, колени тоже. Не мужчина — цыпленок. Но с красивым лицом. В детстве он был любимчиком девочек. Его огромные зеленые глаза и пепельные кудри сводили их с ума. Валеру даже называли Ангелочком. Но в старших классах девушки перестали его замечать. Они обращали внимание на сильных, мужественных, напористых. Валера же в свои шестнадцать остался нежным ангелочком. По крайней мере внешне.

Став взрослым мужчиной, Иванов не сильно изменился. Издали его можно было принять за подростка. Но вблизи Валера уже не казался молодым. У его глаз лет в двадцать появились морщинки. Тогда же в волосах стала пробиваться седина. Он рано начал стареть, хорошо хоть не стремительно. Иначе сейчас бы уже выглядел лет на пятьдесят. И не мог бы рассчитывать на то, что такая прекрасная во всех отношениях девушка, как Лана, ответит ему взаимностью.